

ББК83.3(2)

УДК 82-1

DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_105

Е. Г. Постникова¹

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
ekaterinapost@mail.ru*

ТРАДИЦИИ А. С. ГРИБОЕДОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье с позиций компаративистики анализируется влияние текста комедии А. С. Грибоедова на творчество Ф. М. Достоевского. Для выявления традиций Грибоедова в художественном мире Достоевского используется метод интертекстуального анализа. Автор статьи утверждает, что комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» является глубинным претекстом романного мира Достоевского, но в основном сосредотачивается на анализе романа «Бесы». Показано, что многие грибоедовские идеи, мотивы, образы и даже слова, и словечки были подхвачены, переосмыслены Федором Михайловичем Достоевским и получили новую жизнь в его произведениях, в частности, в «Бесах». Особое внимание уделяется всегда актуальной для русской литературы теме противостояния личности толпе. Определенные переключки наблюдаются в том, как авторы осмысливают темы «безумия» и «ума». Грибоедов первым показал, как работает психологический закон объединения человеческого общества в «толпу» для изгнания из нее «чужака». Особую роль в истории изгнания «чужака» играют женщины. В грибоедовской комедии уже даны два типа приживальщиков, позднее детально разработанных Ф. М. Достоевским: приживальщика «от хлеба» (Молчалин) и приживальщика «от идеи» (Репетилов). Определенные интертекстуальные переключки есть и в образах пар двойников у Грибоедова и Достоевского. Пара двойников Чацкий – Репетилов предвещает появление пары двойников Ставрогин – Верховенский

¹ Постникова Екатерина Георгиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

в «Бесах» Достоевского. В результате доказано, что в «Горе от ума» в сжатом виде уже содержатся те схемы приживальщичества и двойничества, которые так гениально расшифрует потом Достоевский. В тексте «Горя от ума» Грибоедова зашифрованы, угадываются идеи, которыми потом «мучился» Достоевский.

Ключевые слова: интертекстуальный диалог, традиции, Ф. М. Достоевский, А. С. Грибоедов

Литературоведы давно и плодотворно исследуют аллюзии и реминисценции из комедии Грибоедова «Горе от ума» в русской классической литературе вообще и в творчестве Ф. М. Достоевского в частности. А. Л. Бем указывал на то, что комедия Грибоедова была высоко оценена Достоевским, доказательством чему является постоянное цитирование писателем фрагментов «Горе от ума» [5, 421]. В записных тетрадях и произведениях Достоевского много цитат из «Горя от ума», например, в «Идиоте»: «Свежо предание, а верится с трудом». В «Бесах»: «Все врут календари» [7, X, 398]. В «Подростке»: «Зачем же так секретно» [7, XIII, 48]. Эти цитаты играют важную роль в идейном содержании романов.

В последнее время в литературоведении появилось много работ, посвященных интертекстуальным переключкам в творчестве Достоевского. Как отмечают исследователи, «аллюзии и реминисценции являются языковыми способами реализации категории интертекстуальности (маркерами) наряду с такими понятиями, как цитаты, афоризмы, эпитафии» [2, 199]. Анализ «Горя от ума» позволяет литературоведам выявить важнейшие аспекты интертекстуального диалога (Маноклакев Христо [1; 4; 8; 9; 10; 11; 12; 14]. Болгарский ученый Христо Маноклакев детально рассмотрел межтекстуальный диалог комедии Грибоедова с романом Ф. М. Достоевского «Идиот», обратив особое внимание на внутренний сюжет Слова, и интерпретационные стратегии работы с этим сюжетом Достоевского [10, 49–50]. Очевидные текстуальные отсылки к комедии «Горе от ума» были обнаружены исследователями, в «Двойнике» [9], в «Селе Степанчикове» [11], в «Подростке» [2; 3; 8] и «Братьях Карамазовых» [8; 15].

На наш взгляд, комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» является глубинным претекстом романного мира Достоевского. Многие грибоедовские идеи, мотивы, образы и даже слова, и словечки были подхвачены, переосмыслены Федором Михайловичем и получили новую жизнь в его произведениях, в частности, в «Бесах», на которых мы и хотели бы остановиться. Об отношении Достоевского

к тексту Грибоедова писал А. Л. Боген в своей статье «Достоевский и Грибоедов»: «Достоевский отмечает, что «Горе от ума» сильно своими типами и характерами» [4, 292]. Для русской классической литературы всегда была актуальна идея противостояния личности толпе. Личность понимается нашими классиками как человек, внутри которого явственно ощутим внутренний стержень единственного и неповторимого в мире человеческого «Я». Таков и идеал личности молодого, нового поколения, которому принадлежит Чацкий: «Вольнее всякий дышит, и не торопится вписаться в полк шутов» [6, 53]. Внутренняя свобода ценится превыше всего. В Чацком есть неуспокоенность, внутреннее движение, личностный поиск правды, истины. Однако образ Чацкого не однозначен. Не случайно комедия названа «Горе от ума».

Исследователями отмечено, что отношение Достоевского к Чацкому менялось в течение жизни от довольно мягкого: «Это фразер, говорун, но сердечный фразер и совестливо тоскующий о своей бесполезности» («Зимние заметки о летних впечатлениях») до довольно резких («Ты из банной мокроты зародился, сказали бы ему, ругаючись, покойники из Мертвого дома» (на полях: Чацкому, если б его сослали)) [12, 56]. Если вспомнить, что из «банной плесени» завелся Смердяков, то это серьезное обвинение. Вспомним, кстати, и Раскольникова, который совершает убийство «как умник» [7, VI, 321]. В этом ряду стоит и «премудрый змий» Николай Всеволодович Ставрогин. Ставрогин – один из вариантов развития образа Чацкого.

Конфликт личности и толпы можно понимать как *конфликт подлинного человеческого лица с миром масок*. У Грибоедова впервые в русской литературе появляются слова-понятия, которые впоследствии будут использоваться русскими классиками для обозначения человека, втянутого в мир данности: *мундир*, *чин*, *маска* (можно сказать, мундир как личина). Так, о самом Фамусове Лиза говорит: «Вы баловник, к лицу ль вам эти лица» [6, 29]; Молчалин, подыгрывая Софье, «принимает вид» любовника: «И вот любовника я принимаю *вид*» [6, 123]; О масках прошлого Чацкий говорит: «прямой был век покорности и страха, все *под личиною* усердия к царю» [6, 52] (Не лицо, не личность, а «личина»).

Человек-чин, человек-мундир – эти понятия активно используются позднее Достоевским. Ср. Чацкий: «*Мундир! Один Мундир!* Он в прежнем их быту / Когда-то укрывал, расшитый и красивый, / Их слабодушие, рассудка нищету» [6, 50]. А вот замечательное высказывание Степана Трофимовича

Верховенского о втянувшейся ненароком в бесовское движение «наших» Варваре Петровне: «Боже, сколько чужих слов! Затверженные уроки! И на вас уже надели они свой *мундир*» [7, X, 263].

Мундир и у Грибоедова, и у Достоевского – это знак расчеловечивания личности. В обезличенном обществе человек-чин, человек-мундир, человек-маска начинает ощущать свою силу, сливаясь со «всеми». У Грибоедова появляется такое выражение: «все так говорят» [6, 119]. Толпа объявляет себя «целым светом» («Про это знает целый свет»). Позднее Достоевский для обозначения этого же анонимного, но всемогущего мира будет использовать определение «весь город». «Весь город гремит», «весь город стучит», объявляя сумасшедшим Ставрогина.

В данном случае мундир, личина, маска – это смысловые единицы текста. Для обозначения таких мельчайших смысловых значимых единиц текста, заряженных собственной энергетикой и кочующих от произведения к произведению, мы используем термин «*интертекстема*». Еще один простой пример подобной грибоедовской интертекстемы: «И вот общественное мнение» («Поверили глупцы, другим передают, / Старухи вмиг тревогу бьют – / И вот общественное мнение!») [6, 119]. Исследователями давно замечено, что совсем не случайно эта фраза появляется у Пушкина в «Евгении Онегине» («Но шепот, хохотня глупцов, / И вот общественное мнение»). Чтобы понять, почему Онегин не отказывается от дуэли, нужно знать историю Чацкого.

Ритмизованному миру доступен только один вид активности – городское мифотворчество, а проще говоря, сплетня. Грибоедов гениально показал, как действует механизм сплетни. Вот к Софье, обиженной на Чацкого за отзыв о Молчалине, подходит безымянный Г. Н: «Как вы его нашли?». Софья, не задумываясь, отвечает: «Он не в своем уме» [6, 95]. Этот же механизм позднее будет описан Достоевским в романе «Бесы». Николай Ставрогин при первом своем появлении в городе совершает ряд необузданных, выпадающих из всяких «приличий и норм», поступков. Общество немедленно наказывает героя. Формируется то самое «общественное мнение». Появляются слухи, разговоры, сплетни: «Помешан ли Николай Всеволодович или в своем уме?» [7, X, 83].

Кстати, Ставрогин, как и Онегин, будучи ориентированным на внешний мир, не находит в себе силы отказаться от «ненужной» ему дуэли с Гагановым. Стреляет в воздух и тем самым оскорбляет противника еще больше. Здесь мы вновь встречаем грибоедовскую интертекстему, но опосредованную через Пушкина. Ставрогинская

дуэль как бы «цепляет» (имеет в виду, ориентирована на) истории Онегина и Чацкого как предыстории, своеобразные претексты.

Грибоедов первым показал, как работает психологический закон объединения человеческого общества в «толпу» для изгнания из нее «чужака». Кстати, обратим внимание на одну характерную деталь – на особую роль женщины в истории изгнания «чужака». Софья открывает собой в русской литературе целую плеяду героинь сильных, испытывающих странную слабость к «ничтожным» и в материальном, и в идейном плане мужчинам. Таких героинь много у Достоевского, хотя обычно это герои второго плана. В выборе Софьи чувствуется какая-то загадка. Это сразу уловил Чацкий: «Бог знает в нем какая тайна скрыта? / Бог знает за него, что выдумали вы, / Чем голова его ввек не была набита. / Быть может качеств ваших тьму, / Любуясь им, вы придали ему» [6, 74].

И у Достоевского женщины пытаются творить своих слабых мужчин, выдумывают их, как выдумывает Софья Молчалина. Так, в «Бесах» Варвара Петровна своего Степана Трофимовича «выдумала и в свою же выдумку и уверовала» [7, X, 45]. Женское творчество в любви материнское по своей природе. Женщины приспособливают к миру дружости своих пассивных мужчин.

Такой тип отношений уже дан Грибоедовым в «Горе от ума». Это отношения Натальи Дмитриевны и друга Чацкого, бывшего военного Платона Михайловича. Наталья Дмитриевна навязывает мужу «правильный», приемлемый, «нормальный» в глазах мира данности способ жизни: она не дает ему ни встать, ни сесть свободно, все время отвечает за него («Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб» [6, 85].

Чацкий инстинктивно верно угадывает в любви Софьи к Молчалину ту же материнскую активность: «Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом. / Себя крушить, и для чего! / Подумайте, всегда вы можете его / Беречь и пеленать, и посылать за делом. / Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей / Высокий идеал московских всех мужей» [6, 128]. (Ср. о любви Варвары Петровны к Степану Трофимовичу говорится, что он «стал, наконец, для нее сыном <...> Она охраняла его от каждой былинки, нянчилась с ним двадцать два года, не спала целых ночей...» [7, X, 16]).

Давно замечено, что Софья – героиня самобытная. В ней есть новая русская самостоятельность. Она заявляет себя как личность, свободная от чужого мнения. Так, на замечанье Лизоньки («Грех не беда, молва не хороша») Софья отвечает: «Что мне молва» [6, 28]. Самобытность есть и в героине «Бесов» Варваре Петровне

Ставрогиной, которая заявляет: «А я, мать моя, светского мнения не так боюсь» [7, X, 131]. И обе героини переоценивают свои силы.

Можно утверждать, что в грибоедовской комедии уже даны два типа приживальщиков, позднее детально разработанных Ф. М. Достоевским: *приживальщика «от хлеба»* (Молчалин) и *приживальщика «от идеи»* (Репетилов). Молчалин приживается при фамусовском доме. В образе Молчалина есть очень важная для Достоевского идея: главная особенность безликих людей – отказ от личности, отказ от собственного мнения («*Не смею моего сужденья произнесть... / В мои лета не должно сметь, / Свое суждение иметь*» [6, 81]).

Не случайно Грибоедов дает герою фамилию Молчалин. В явлении шестом первого действия Чацкий, только что вернувшийся из путешествия, спрашивает у Софьи: «Что я Молчалина глупее? Где он, кстати? / Еще ли не сломил безмолвия печати? / (...) Ведь нынче любят бессловесных» [6, 45]). «Слово» Грибоедовым понимается как собственное слово, своя мысль, свое мнение. Молчалин молчит потому, что у него нет своего собственного. Вопрос, не сломил ли Молчалин «безмолвия печать», можно понимать так: не стал ли он еще собою. Позднее у Достоевского в «Бесах» «стыд собственного мнения» будет главным оружием, используемым Петрушей Верховенским для обращения в свою «веру»: «Самая главная сила – цемент все связующий – это *стыд собственного мнения* (выделено нами – Е. П.). <...>. И кто это работал, кто этот миленький трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого в голове! За стыд почитают» [7, X, 298].

Определенные интертекстуальные переключки есть и в образах пар двойников у Грибоедова и Достоевского. Пара двойников Чацкий – Репетилов предвещает появление пары двойников Ставрогин – Верховенский в «Бесах» Достоевского. Репетилов самовлюбленно, с каким-то странным восторгом именуется себя бездарностью: «Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак». В этих формулах больше всего поражает готовность унижать себя. «Вот странное уничижение» [6, 110], – замечает Чацкий. Но это совсем не христианское уничижение, в нем нет идеи греха и покаяния. Это очень удобная позиция в бытии. Позднее у Достоевского появится целая плеяда подобных героев. Сравним, например, декларативное заявление Петруши Верховенского: «Я бездарность <...> ни глуп, ни умен, довольно бездарен и с луны соскочил» [7, X, 125]. И приживальщик в упоении начинает эксплуатировать свой дар бездарности.

Грибоедов, а за ним и Достоевский очень метко заметили важнейшую особенность приживальщиков – их тягу к сильным положениям, сильным личностям и сильным идеям. Репетилов буквально объясняется в любви Чацкому: «Пожалуй, смеяться надо мной, / Что Репетилов врет, что Репетилов прост, / А у меня к тебе влечение, род недуга, / Любовь какая-то и страсть / Готов я душу прозакласть, / Что в мире не найдешь себе такого друга, / Такого верного, ей – ей / *Пускай лишусь жены, детей...*» [6, 109] (выделено нами – Е. П.). Такую же странную любовь к сильным мира сего у Достоевского испытывает чиновник Лебедев («Идиот»): «А я буду плясать. *Жену, детей малых брошу*, а перед тобой буду плясать. Польсти. Польсти» [7, VIII, 10]. Сравним это с признанием Петруши Верховенского: «Ставрогин, вы красавец...Я на вас часто сбоку из-за угла смотрел» [7, X, 324]. Этот феномен объясняется смешением пропозиций. В идеале активное, мужское, свободное, творческое противопоставлено пассивному, женскому, несвободному. Приживаясь, герои отказываются не только от своей свободы и активности, но и от мужского в себе.

«Зауряд» Репетилов – приживальщик «от идеи». Он является пропагандистом чужих популярных идей и говорит теми же словами и о том же, что и Чацкий: «Что бал? Братец, где мы всю ночь до бела дня, / В приличьях скованы, не вырвемся из ига» [6, 110]. Звучит совершенно в духе Чацкого, если бы не характерное продолжение: «Читал ли ты? Есть книга...». Приживальщик Репетилов «прилипает» к чужой идее, как это делают господа типа Лебезятникова из «Преступления и наказания»: «Это был один из того бесчисленного <...> легиона пошляков, <...>, которые мигом *пристают* непременно к самой модной ходячей идее» [7, VI, 279]. В результате личность двоится и теряет собственное лицо: «Ты Репетилов ли?» (1,142).

Интересен тот факт, что Достоевский, как вспоминал А. С. Суворин, не любил Чацкого, зато выделял Репетилова: «Чацкий был ему не симпатичен. Он слишком высокомерен, слишком эгоист. У него доброты нет. У Репетилова больше сердца!» [5, 419]. Но «сердечного» Репетилова в «Бесах» найти не удалось. Нечто такое «сердечное» есть в Лебедеве из «Идиота», но это другая история.

В четырех страницах явления четвертого последнего действия «Горя от ума» в сжатом виде уже содержатся те схемы приживальщичества и двойничества, которые так гениально расшифрует потом для нас Достоевский. Еще парадоксальнее то, что странные собранные некоего общества, «секретного союза», в который вливается Репетилов, Грибоедов описывает так же, как позднее Достоевский будет описывать заседания революционных

«наших» в «Бесах». Но ведь описанные Достоевским в «Бесах» революционные общества действительно имели место быть. История убийства кружком Нечаева студента Иванова легла в основу романа. А какие такие «тайные» inferнальные общества описывал Грибоедов в начале века?

Репетиллов сообщает Чацкому, что знается с какими-то «умнейшими людьми», «соком умной молодежи». Это тайное общество описано как бесовское сборище: «решительные люди», «горячих дюжина голов», которые собираются по ночам и кричат так, что «подумаешь, что сотни голосов». Чацкий безошибочно угадывает inferнальный характер этих странных сборищ: «Да из чего *беснуетесь* вы столько?» [6, 112].

Тайное общество, описанное Грибоедовым, подобно обществу «наших» в «Бесах», состоит из очень интересных людей. «Гением», генератором идей этого общества является Удушьев Ипполит Маркелыч (фамилия говорит сама за себя). Еще интереснее образ «головы»: «Но голова у нас, какой в России нету, / Не надо называть, узнаешь по портрету: / Ночной разбойник, дуэлист. / В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, / И крепко *на руку нечист...* / Когда ж об честности высокой говорит, *каким-то демоном внушаем*: / Глаза в крови, лицо горит, / Сам плачет, и мы все рыдаем» [6, 113]. Не будущий ли Петруша Верховенский перед нами? Здесь мерещится и что-то шигалевское.

В тексте «Горя от ума» Грибоедова зашифрованы, угадываются идеи, которыми потом «мучился» Достоевский: идея о том, что в любом обществе действует механизм «толпы» и любая, самая прогрессивная мысль профанируется, опошляется в толпе. Может быть, в грибоедовском принципиальном неучастии в декабристском движении уже угадывается мысль Достоевского о невозможности насильственного осчастливливания человечества? И в этом ключе подругому осмысливается категорическое неприятие Чацким «репетилловых» («Вот меры чрезвычайны, / Чтоб взыщете прогнать и вас, и ваши тайны» [6, 111]) и слабосильная брезгливость Ставрогина к «верховенским» («Холод прошел по спине Ставрогина» [7, X, 125]). На основании всего вышесказанного мы можем утверждать, что «Горе от ума» А.С. Грибоедова является одним из претекстов «Бесов» Достоевского и всего его романного мира.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы I трети XIX века): учебн.-метод. пособие: электронное издание / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцев, А. В. Петров, С. В. Рудакова,

Т. И. Рожкова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. 85 с.

2. Аксарова И. Р., Жаплова Т. М. Аллюзии и реминисценции из комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова в позднем творчестве Ф. М. Достоевского // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. №8–1. С. 199–203.

3. Архипова А. В. «Александровская эпоха» в интерпретации Достоевского // Достоевский: материалы и исследования. 1997. Т. 14. С. 77–87.

4. Боген А. Л. Достоевский и Грибоедов (дополнение к комментарию) // Достоевский. Материалы и исследования. Ленинград: Наука, 1988. Т. 8. С. 292–296.

5. Вокруг Достоевского: в 2 т. Т.1. О Достоевском: сб. ст. / под ред. А. Л. Бема. Москва: Рус. путь, 2007.

6. Грибоедов А. С. Горе от ума // Грибоедов А. С. Сочинения. Москва: ГИХЛ, 1956.

7. Достоевский Ф. М. Полн собр. соч.: в 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990.

8. Карпачева Т. С. Образ Москвы в романе Ф. М. Достоевского «Подрасток» // Москва и «Московский текст» в русской литературе XX века. Материалы международной научной конференции. 2007. С. 75–82.

9. Леоновичус А. В. Бал-скандал: «Горе от ума», «Мертвые души», «Двойник» // Новый филологический вестник. 2013. №3 (26). С. 88–101.

10. Манолакев Христо. Грибоедов – Гоголь – Достоевский. Типология и герменевтика Слова / пер. Л. А. Дубовой. Търново: Фабер, 2011. 182 с.

11. Нестрючева Н. А. Реминисцентное измерение повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник удмуртского университета. Серия история и филология. 2013. Вып 4. С. 25–32.

12. Проскурина В. Ю. Диалоги с Чацким // «Столетия не сотрут...»: Русские классики и их читатели. Москва: Книга, 1988. С. 55–85.

13. Рудакова С. В. История русской литературы (I часть XIX в.). Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2015. 90 с.

14. Рудакова С. В. История русской литературы XIX в. / С. В. Рудакова, Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2016. 206 с.

15. Такахаси С. Достоевский и «Горе от ума» (с точки зрения проблемы совести) // Достоевский и мировая культура. Альманах № 8. Москва: Классика плюс, 1997. С. 118–126.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. Filologičeskij analiz teksta (na materiale proizvedenij russkoj literatury I treti XIX veka): učebn.-metod. posobie: jelektronnoe izdanie [Philological analysis of the text (on the material of works of Russian literature of the first third of the 19th century)] / T. E. Abramzon, A. P. Vlaskin, T. B. Zajcev, A. V. Petrov, S. V. Rudakova, T. I. Rozhkova. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G. I. Nosova, 2016. 85 p.

2. Aksarova I. R., Zhaplova T. M. Allžuzii i reminiscencii iz komedii «Gore ot uma» A. S. Griboedova v pozdnem tvorčestve F. M. Dostoevskogo [Allusions and Reminiscences from Griboyedov's Woe from Wit in Dostoyevsky's Late Work] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2014. №8–1. Pp. 199–203.

3. Arhipova A. V. «Aleksandrovskaĵa jepoha» v interpretacii Dostoevskogo [Alexander's Age as Interpreted by Dostoyevsky] // Dostoevskij: materialy i issledovanija [Dostoyevsky: Materials and Research]. 1997. T. 14. S. 77–87.

4. Bogen A. L. Dostoevskij i Griboedov (dopolnenie k kommentariju) [Dostoyevsky and Griboyedov (addition to commentary)] // Dostoevskij. Materialy i issledovanija [Dostoyevsky: Materials and Research]. 1988. T. 8. P. 292–296.

5. Vokrug Dostoevskogo [Around Dostoyevsky]: v 2 t. T. 1. O Dostoevskom: sb. st. / pod red. A. L. Bema. Moscow: Rus. put', 2007.

6. Griboedov A. S. Gore ot uma [Woe from Wit] // Griboedov A. S. Sočinenija [Works]. Moscow: GIHL, 1956.

7. Dostoevskij F. M. Poln sobr. soč. [Complete Works]: v 30 t. Leningrad: Nauka, 1972–1990.

8. Karpacheva T. S. Obraz Moskvy v romane F. M. Dostoevskogo «Podrostok» [The Image of Moscow in Dostoyevsky's novel Adolescent] // Moskva i «Moskovskij tekst» v russkoj literaturе XX veka [Moscow and the "Moscow Text" in 20th Century Russian Literature]. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2007. Pp. 75–82.

9. Leonavichus A. V. Bal-skandal: «Gore ot uma», «Mertvyе dushi», «Dvojnĵik» [A Ball-Scandal: Woe from Wit, Dead Souls, The Double] // Novyj filologičeskij vestnik [The New Philological Bulletin]. 2013. №3 (26). Pp. 88–101.

10. Manolakev Hristo. Griboedov – Gogol' – Dostoevskij. Tipologija i germenevtika Slova [Griboyedov - Gogol - Dostoyevsky. Typology and Hermeneutics of the Word] / per. L. A. Dubovoj. T#rnovo: Faber, 2011. 182 p.

11. Nestrjučeva N. A. Reminiscentnoe izmerenie povesti F. M. Dostoevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» [Reminiscential Measurement of Dostoevsky's Novel "The Village Stepanchikovo and its Inhabitants"] // Vestnik udmurtskogo universiteta [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]. 2013. Vyp 4. Pp. 25–32.

12. Proskurina V. Ju. Dialogi s Chackim [Dialogues with Chatsky] // «Stolet'ja ne sotrut...»: Russkie klassiki i ih chitateli ["Centuries will not erase...": Russian classics and their readers]. Moscow: Kniga, 1988. Pp. 55–85.

13. Rudakova S. V. Istorija ruskoj literatury (I chast' XIX v.) [History of Russian Literature (Part I of the 19th Century)]. Magnitogorsk, 2015.

14. Rudakova S. V. Istorija ruskoj literatury XIX v. [Istorija ruskoj literatury] / S. V. Rudakova, T. E. Abramzon, A. P. Vlaskin, T. B. Zajceva, A. V. Petrov. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tehn. un-ta im. G. I. Nosova, 2016. 206 p.

15. Takahasi S. Dostoevskij i «Gore ot uma» (s tochki zrenija problemy sovesti) [Dostoyevsky and Woe from Wit (in terms of the problem of conscience)] // Dostoevskij i mirovaja kul'tura [Dostoyevsky and Woe from Wit (in terms of the problem of conscience)]. Al'manah. № 8. Moscow: Klassika pljus, 1997. Pp. 118–126.

**A. S. GRIBOYEDOV'S TRADITIONS
IN F. M. DOSTOYEVSKY'S WORKS**

Y. G. Postnikova

Doctor of Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

In the article the influence of A. S. Griboyedov's comedy on the work of F. M. Dostoevsky is analyzed in terms of comparative studies. The method of intertextual analysis is used for revealing Griboyedov's traditions in Dostoevsky's art world. The author claims that A. S. Griboyedov's comedy "Woe from Wit" is a profound pretext of Dostoyevsky's novel world, but mainly focuses on the analysis of the novel "The Demons". It shows that many of Griboyedov's ideas, motifs, images and even words and phrases were taken, reinterpreted by Fyodor Mikhailovich and received a new life in his works, in particular, in "The Possessions". Special attention is paid to the theme of the confrontation of the individual with the crowd, which is always

Е. Г. Постникова

relevant for Russian literature. Certain overlaps are observed in the way the authors comprehend the themes of "madness" and "wit". Griboyedov was the first to show how the psychological law of uniting human society into a "crowd" works to expel the "outsider" from it. Women play a special role in the story of the expulsion of the "outsider". Griboyedov's comedy already contains two types of "lodgers", which were later developed in detail by F.M. Dostoyevsky: the lodger "from bread" (Molchalin) and the lodger "from an idea" (Repetilov). There are also certain intertextual overlaps between Griboedov and Dostoevsky. The pair of Chatsky and Repetilov foreshadows the appearance of the pair of Stavrogin and Verkhovensky in Dostoevsky's "The Possessions". As a result, it is proved that "Woe from Wit" already contains condensed forms of domesticity and duplicity, which Dostoevsky would later decipher so ingeniously in the text of Griboyedov's "Woe from Wit", the ideas that Dostoevsky later "suffered" are encrypted and guessed.

Keywords: intertextual dialogue, traditions, F. M. Dostoevsky, A. S. Griboedov

Для цитирования: Постникова Е. Г. Традиции А. С. Грибоедова в творчестве Ф. М. Достоевского // Libri Magistri. 2021. № 2 (16). С. 105–116.

Поступила в редакцию 15.04.2021